

демии Наук юбиляр работает над созданием «Этимологического словаря мордовских языков», является редактором «Мокшанско-русского словаря (с элементами толкования)».

Свой научный багаж и опыт А. П. Феоктистов охотно передает молодежи. Он часто выступает с лекциями перед студентами филологических факультетов Мордовского государственного университета и педагогического института, а также читал лекции по русскому и мордовским языкам в вузах Венгрии, Финляндии и Австрии.

Юбиляр часто выступает на всесоюзных конференциях и международных конгрессах по финно-угроведению. Фактически он является участником всех языковых симпозиумов по финно-угроведению.

В советских и зарубежных изданиях А. П. Феоктистов опубликовал более 100 статей и рецензий по вопросам фонетики и фонологии, грамматики, лексикологии и лексикографии, диалектологии и языковых контактов, развития мордовских литературных языков, истории изучения

мордовских и других финно-угорских языков. Под его научным руководством подготовлено 8 кандидатов наук, более 20 раз он оппонировал кандидатские диссертации. Ученики А. П. Феоктистова в настоящее время трудятся в различных учебных и научных учреждениях страны.

А. П. Феоктистов является членом Советского комитета финно-угроведов, Международного общества по венгерской филологии, Финно-угорского общества в Финляндии, Финского литературного общества, Урало-Алтайского общества (ФРГ).

А. П. Феоктистов — не только ученый с мировым именем, но и человек прекрасной души, неиссякаемой энергии и бодрости, заботливый и требовательный товарищ, всегда готовый поделиться своими знаниями и опытом научной работы. К своему 60-летию он пришел в полном расцвете творческих сил и энергии. Коллеги, друзья и многочисленные ученики поздравляют его с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, жизнеутверждающего оптимизма и дальнейших успехов в любимом деле.

СТЕПАН ЛИПАТОВ, ОСИП ПОЛЯКОВ
(Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.4.11>

FIF. Festschrift für István Futaky zum 60. Geburtstag am 12. Mai 1986. Herausgegeben von Wolfgang Veenker, Hamburg, Helmut Buske Verlag, 1986 (Finnisch-Ugrische Mitteilungen, 10. Jahrgang, 1986).

Рецензируемая книга-посвящение представляет собой приветствие финно-угроведу из ФРГ Иштвану Футаки по случаю его 60-летия.

Сборник открывает предисловие издателя Вольфганга Феэнкера и его поздравления юбиляру (с. 1—4). В статье «István Futaky zum 60. Geburtstag» (с. 5—10) Тибор Кестюш (Гёттинген) дает обзор жизненного пути И. Футаки. Чтобы познакомить и русского читателя с жизнью и творчеством И. Футаки, этот материал реферирован здесь более обстоятельно. И. Футаки родился 12 мая 1926 г. в небольшой деревне Нирчахой недалеко от города Матесалка в семье служащего. В 1944 г. он с отличием за-

кончил среднюю школу, однако поступлению в университет помешала эвакуация в Австрию в 1944 г., откуда семья вернулась в 1946 г. Лишь в 1952 г. И. Футаки получил возможность начать занятия в высшем учебном заведении — в римско-католическом теологическом институте в Будапеште. С 1957 г. он проживает в ФРГ, где начал в Гёттингенском университете занятия финно-угроведением у Юлиуса фон Фаркаша, которые завершил у Вольфганга Шлахтера в 1963 г., написав диссертацию «Untersuchungen über akustische Akzentmerkmale des Ungarischen. — Dargestellt an der Mundart der Sprachinsel Oberwart» (Göttingen 1963), К 1973 г. была готова

его работа «Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen». Наряду с языкознанием Футаки занимался также литературой и литературоведением, публиковал он под псевдонимом и свои поэтические произведения. Научная работа И. Футаки имеет три направления: 1) венгерский язык и литература, а также связи Венгрии с Германией, 2) уральско-тунгусские лингвистические контакты, 3) обско-угорское языкознание. Вместе с В. Фезнкером И. Футаки основал издаваемый с 1977 г. финно-угорский журнал «Finnisch-Ugrische Mitteilungen». И. Футаки — член правления Международного общества по венгерской филологии. С 1980 г. он стал профессором финно-угорского семинара Гёттингенского университета. И. Футаки много сделал для развития культурных контактов между Венгрией и ФРГ. Т. Кестюш составил также библиографию трудов И. Футаки «Schriftenverzeichnis István Futaky 1961—1986» (с. 11—15), которая включает 71 работу.

Рецензируемый сборник содержит 45 научных статей на весьма разнообразные темы, среди их авторов много всемирно известных и признанных ученых. Происхождение и место деятельности юбиляра обусловили тот факт, что особенно много авторов сборника — это лингвисты Венгрии (16) и ФРГ (17). В сборнике представлены 7 авторов из Финляндии, два — из Франции, по одному — из Эстонии, Югославии, Австрии, Канады. При этом многие участники сборника из ФРГ и других стран — венгры по национальности, их 21; немцев — 14, финнов — 5 и т. д.

В свете упомянутых направлений научных интересов И. Футаки вполне понятно, что наибольшая часть статей (13) посвящена проблемам, связанным с венгерским языком и культурой. Разумеется, в сверхкратком обзоре невозможно представить все статьи сборника, целесообразнее остановиться на тех из них, что представляют интерес для нижеподписавшегося; конечно, это не значит, будто остальные работы не заслуживают внимания.

Иштван Фодор (Кёльн) в статье «Endbetonung im Altungarischen? Gegen die Wiederbelebung einer noch nicht begabenen Theorie» (с. 139—150) приводит новые аргументы против предложен-

ной Х. Шёльдом в 1925 г. теории, согласно которой в венгерском языке ударение якобы до XVIII столетия было на последнем слоге. Х. Шёльд пришел к такому выводу, потому что в венгерских заимствованиях сербскохорватского и румынского языков ударение на последнем слоге. Автор статьи рассматривает более подробно венгерские заимствования в этих и других соседних языках и показывает, что ударение в венгерских заимствованиях отнюдь не всегда на последнем слоге и что перенос ударения на последний слог обусловлен различной просодической системой венгерского и соседних с ним языков (напр., венгерский долгий гласный → румынское ударение) или некоторыми иными факторами. Против возможности ударного последнего слога в старовенгерском языке свидетельствуют и венгерские звукоизменения (напр., утрата и редукция конечного гласного). И. Фодор отмечает, что по поводу взаимных заимствований в языках народов Карпатского бассейна и побережья Дуная опубликовано много работ, однако проблемам ударения и просодии вообще отводилась при этом роль сироты.

Статья Енё Кишша (Будапешт) «Dialekte im Wandel der Zeit — am Beispiel von Mundartwörtern des Ungarischen» (с. 203—206) посвящена исследованию диалектной лексики. За последние 60 лет треть венгерской диалектной лексики утрачена, вторая треть сохраняется в употреблении лишь на периферии, слова эти известны только старшему поколению. Однако неверно было бы считать, что диалектные слова исчезают быстро и окончательно. С одной стороны, еще треть собранной 80—100 лет назад лексики вполне жизнеспособна (в некоторых разделах лексики 50%), с другой стороны, уже созданием языка, членением коллектива его носителей, их профессиональными различиями и влиянием иностранных языков определяется то обстоятельство, что словарный запас всегда имеет региональные особенности и тем самым диалектные слова. Автор приводит восемь основных типов изменений диалектной лексики, например, 1-й: диалектное слово утрачено или находится в процессе утраты, поскольку объект, который оно обозначает, исчез или исчезает; 2-е: диалектное слово утрачено или

находится в процессе утраты, поскольку общеизвестное слово, вторгаясь в диалект, вытеснило диалектное (обозначаемый объект налицо); но 8-й: возникает новое диалектное слово, поскольку становится известным новое, связанное с каким-нибудь родом деятельности и потому имеющее местный колорит понятие.

В 1978/1979 учебном году история языка как дисциплина вновь вернулась в программы по преподаванию родного языка в гимназиях Венгрии. Мария Д. Матаи (Будапешт) в статье «Bedeutung und Rolle der Sprachgeschichte im muttersprachlichen Unterricht» (с. 235—241) обосновывает, почему знания по истории языка необходимы в университетском и, опираясь на это, также в школьном преподавании. Среди приводимых доводов особого внимания заслуживают следующие: знание истории языка способствует воспитанию патриотизма, так как эта дисциплина показывает судьбу языка, борьбу за него, а благодаря этому история языка представляет собой средство воспитания чувства нации и национального самосознания, она способствует уважительному отношению к национальному языку, любви к нему и заботе о нем; развитие языка можно соотносить с развитием общества, культуры, отчего изучение истории языка важно и в аспекте истории культуры; фактически, язык — это носитель национальной культуры. Естественно, вышесказанное относится не только к венгерскому языку, это следовало бы учитывать при преподавании родного языка у всех финно-угорских народов.

Статья Ольги Пенавин (Нови Сад) «Beiträge zur sprachlichen Kontaktforschung ungarischer Mundarten in Jugoslawien» (с. 301—322) дает обзор распространения дву- и многоязычия в венгерских языковых островках Югославии. В статье различается два вида билингвизма: в одном случае две языковые системы живут рядом без подчинения друг другу и при лишь небольшом взаимном вторжении некоторых элементов из одного языка в другой; во втором случае один язык подчинен другому и в результате этого все больше чужих элементов вторгается в подчиненный язык. Если в языковых островках нет соприкосновений с литературным языком, вос-

принимаются все новые слова, поскольку продолжительность речевого акта невелика, нет времени искать венгерские соответствия (их знают пассивно или не знают вообще) и потому венгерская речь кишит сербскими и хорватскими словами. О. Пенавин отмечает, что на территориях со смешанным населением изучение второго языка рекомендуется по следующим причинам: чтобы лучше понимать и быть понятым, а также поскольку возможны ситуации, когда он необходим (врач, уличное движение, магазин, административные учреждения, школа, кино, работа — можно добавить сюда службу в армии). Как выясняется, ситуации эти охватывают более или менее все, за исключением домашней среды, тем самым относительно подчиненного языка точнее было бы выражение, что изучение второго языка прежде всего именно необходимо.

Довольно много статей, конкретно шесть, посвящено второй излюбленной области юбиляра — обско-угорским языкам. Ласло Хонти (Будапешт) в статье «Er soll mit Begrüssung geschrieben werden!» (с. 155—163) пишет что обско-угорский инструменталь, который в венгерском, немецком, русском языках переводится как объект, в действительности таковым не является. В статье «Über das obugrische Verb 'habeo'» Бела Кальман (Дебрецен) рассматривает (с. 165—170) возникшие в хантыйском и мансийском языках обособленно глаголы (хант. *täj*, манс. *oñsí*) со значением 'владеть', которое изначально не было свойственно финно-угорским языкам. Лизелотте Шифер (Мюнхен) в статье «Zum phonematischen Status von Tremjugan-Ostjakisch ö, ø und ø» (с. 373—381) анализирует, убедительны ли аргументы, выдвигавшиеся до сих пор в пользу двух переднерядных лабиальных вокальных фонем в рассматриваемом диалекте, и приходит к отрицательному выводу. Эдит Вертеш (Дебрецен) своей статьей «Ostjakische Begrüssungen» (с. 473—479) приветствует И. Футаки как исследователя хантыйского языка и рассматривает хантыйские слова приветствия и прощания.

С третьей областью научных интересов И. Футаки — тунгусско-уральскими контактами — в большей или меньшей

мере связаны три статьи. Михаэл Катцшманн (Берлин) в статье «Tunguso-Ngasapanica» (с. 173—187) приводит сопоставление 70 нганасанских и тунгусских слов. Янош Пустай (Будапешт) в статье «Sechzig (Ein Zahlwort in den paläosibirischen Sprachen)» (с. 323—328) нашел интересную форму поздравления по случаю 60-летия: он анализирует образование числа 60 в палеосибирских языках по сравнению с уральскими.

Обширно представлено в посвященном И. Футаки сборнике прибалтийско-финское языкознание (8 статей, в пяти из них речь идет о финском языке).

Клаас Ф. Руппел (Ярвенпяя) в статье «Zu den ostseefinnischen Lokalkasusystemen» (с. 347—352) исходит из предположения, что немаркированная категория на фонологическом уровне имеет относительно маркированной категории большую дистинктивность. Дистинктивность окончаний составляющих систему местных падежей финно-угорского языкоосновы латива (немаркированный падеж на вопрос *куда?*), локатива и аблатива по отношению друг к другу составляет 1,8, 1,3 и 1,5 фонемы соответственно. На основе этого автор статьи выдвигает два тезиса: 1) в трехчленной системе местных падежей, если это осознают говорящие и если они используют данные падежи в локальном значении, падеж на вопрос *куда?* в отношении двух остальных обладает самой высокой фонологической дистинктивностью, причем дистинктивность падежей между собой имеет характерное числовое отношение, более или менее отвечает приведенным цифрам (1,8—1,3—1,5); 2) стирание или утрата чисто локального значения трехчленной системы местных падежей обуславливают и затуманенность или исчезновение числового соотношения. В статье выясняется, что в прибалтийско-финских языках характерное числовое соотношение наиболее явно в случае внутреннеместных падежей, у внешнеместных падежей, которые приобрели и значение обладания, оно уменьшилось, наименьшим образом проявляется оно у общих местных падежей, утративших локальное значение. Вообще числовое отношение дистинктивности в случае всех трех систем местных падежей наиболее выразительно в финском языке, по направлению к

югу оно уменьшается, в ливском языке общие местные и внешнеместные падежи исчезли или находятся в стадии исчезновения, а у внутриместных падежей числовое соотношение лишь слабо выражено. К сожалению, автор не пояснил подробнее, как он рассчитывает взаимную фонологическую дистинктивность падежей, так ведь может возникнуть у несведущего вопрос, каким образом у окончаний эстонских внешнеместных падежей между собой могло появиться равное соотношение.

В статье Фанни де Сивер (Париж) «'Reich' und 'arm' im Livischen. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte in Verbindung mit der ostseefinnischen Derivation» (с. 411—416) констатируется, что на всем восточном побережье Балтийского моря слово для передачи понятия 'богатый' заимствовано — из германских или славянских языков, поскольку богатыми здесь были в основном завоеватели из других регионов. Наряду с заимствованиями для обозначения как богатого, так и бедного используются производные от слов, выражающих физическую силу: лив. *joutõt* 'бедный' (*joud* 'сила, крепость, власть'), эст. *jõukas* 'богатый' (из той же основы *jõud* 'сила'), лив. *inda* 'сила, энергия; богатство'. Однако поскольку богатство, а большей частью просто поддержание жизни, зависело от земледельческой работы, для обозначения богатства использовалось и лив. *vīla* 'зерно; овощи' (в эстонском языке тоже есть производные от слова *vili* 'зерно' с аналогичным значением), а лив. *jellõ* 'жить' имеет и значение 'работать'.

В посвященном И. Футаки сборнике есть также статьи по проблемам саамского, мордовских, марийского, пермских, самодийских языков, по вопросам общего языкознания и истории языкознания. Вывод в статье Ханса-Херманна Бартенса (Гёттинген) «Die Stellung der Supinumformen im lappischen Sprachsystem» (с. 17—40) звучит так: супин на *-čit* отступает, освобождая место отчасти другим номинальным конструкциям, отчасти финальным предложениям, супин отрицательного же глагола, наоборот, еще жизнеспособен. В статье Ласло Сабо (Фредериктон) «Der Gebrauch des *ind-* Partizip im Kolalappischen» (с. 445—449) рассматривается причастие прошедшего времени

(употребляется при образовании сложных времен и отрицательных форм имперфекта, а также в качестве определения), которое в имеющихся грамматических обзорах кильдинского диалекта было вниманием обойдено. Ласло Керестеш (Дебрецен) в статье «Die Stellung des Mordwinischen in der finnisch-wolgaischen Einheit» (с. 189—201) сопоставляет между собой марийский и мордовский консонантизм и приходит к следующим выводам: мордовские языки обладают рядом общих черт с прибалтийско-финскими, но налицо и общие свойства с пермскими языками; марийский язык показывает больше тенденций, которые ведут к пермским языкам, но в то же время он имеет черты, характерные только для марийского языка (мордовские языки таковыми, свойственными только им чертами не располагают); мордовские языки имеют больше общего с финским языком, чем с саамским, некоторые общеприбалтийско-финские инновации консонантизма встречаются и в мордовских языках, в то время как по ряду моментов бросаются в глаза как раз марийско-саамские общие черты. На основе сказанного Л. Керестеш делит волжско-финский язык-основу на южную (прибалтийско-финские, мордовские) и северную (саамский и марийский) ветви. Пауль Кокла (Таллин), рассматривая в статье «Das System der infiniten Formen im Marischen» (с. 207—217) марийские инфинитивы, причастия и деепричастия,

приходит к выводу, что на базе инфинитивных форм невозможно обосновать волжскую языковую общность или волжский язык-основу, поскольку марийские и мордовские общие морфологические черты охватывают и соответствующие пермские формы. Габор Береcki (Будапешт) в статье «Permische Einflüsse in der tscheremissischen Phonetik und Morphologie» (с. 67—75) приводит 11 особенностей консонантизма и две особенности вокализма марийского языка, возникшие под влиянием пермских языков. В морфологии пермское влияние усматривается в очередности падежных окончаний и possessивных суффиксов, но нет ни одного марийского падежного окончания, которое можно было бы считать заимствованием из пермских языков. В статье Кароя Редери (Вена) «Beiträge zur historischen Formenlehre der wotjakischen Sprache» (с. 339—342) речь идет о происхождении форм суффикса терминатива *-ožam*, *-ožad*, *-ožaz* и о II удмуртском спряжении, в статье Тибора Микола (Сегед) «Beiträge zur nganassanischen Sprachgeschichte» (с. 243—247) — о развитии пранган. **p*, **t*, **k*, **s* и медиальном спряжении.

Подводя итоги, можно сказать, что сборник-посвящение содержит интересные работы по весьма разнообразной тематике, которая охватывает весь ареал уральских языков, а также другие языки, кроме того — проблемы литературы и культуры.

ВЯИНО КЛАУС (Таллин)

Pertti Virtaranta, Tampereen murrekirja. Kotiseudun murrekirjoja 8, Helsinki 1987 (SKST 473). 278 S.

Pertti Virtaranta ist gegenwärtig in Finnland einer der eifrigsten Sammler von Dialekttexten und Herausgeber. Schon 1947 waren seine Texte aus Ylä-Satakunta «Vanha kansa muistelelee» (Ein altes Volk erinnert sich) im Druck erschienen, denen laufend Ausgaben zu anderen Dialekten folgten. Seit 1973 gibt die Finnische Literaturgesellschaft neuartige großformatige illustrierte Dialektbände heraus. Bis zum gegenwärtigen Zeitpunkt sind acht Werke publiziert worden und für

sechs zeichnet P. Virtaranta als Autor verantwortlich.

Im vorliegenden Band mit Texten des Dialekts von Tampere weist P. Virtaranta eingangs darauf hin, daß die ältesten Texte aus dem Jahre 1951 stammen, als er noch mit einem recht unzuverlässigen Tonbandgerät arbeiten mußte, mit dem man fortlaufend nur vier Minuten hintereinander Texte aufnehmen konnte. Dabei handelt es sich um den Sprachgebrauch der ältesten Stadtbewohner, unter anderem von Fabrik-